

ВОСХВАЛЕНИЕ МЕСТНОСТИ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ПОЭЗИИ

Усеинов Т. Б.

Актуальность. Панегирика остаётся неизученной областью средневековой крымскотатарской силлабической поэзии.

Цель работы – изучение образной системы народных хвалебных поэтических форм, а также определение их особенностей.

Вступление. Важное место в поэтическом наследии народных поэтов (ашыков) занимает *восхваление* городов, крепостей, селений, а также географических названий (рек, гор, долин и т. п.).

Отмеченная особенность творчества связана с образом жизни *ашыков* – они, как правило, странствующие по всей Османской империи (и Крымскому ханству, как её неотъемлемой составной) поэты-исполнители.

В каждом новом городе (крепости, селении), где они задерживаются на неопределённый срок, ашыки знакомятся с местными достопримечательностями, а затем слагают о них *хвалебные произведения*. Иногда эти сочинения пишутся по собственной воле автора, а порой и по заказу состоятельного местного мецената.

Традиционно, поэты для *восхваления* этого вида выбирают народную форму поэзии *дастан*. Она проста в написании и доступна в понимании для широкого народного слушателя.

Признанным мастером *хвалебных дастанов* всей Османской империи считается Ашык Омер (...–1707). Его перу принадлежат целый ряд произведений, в которых раскрывается образная система “*восхваляемая местность – восхваляющий*”, среди которых необходимо упомянуть “*Дастан о Стамбуле*”, объёмом в 17 бен-тов и “*Дастан о Бурсе*”, объёмом в 25 бен-тов.

Если, при написании *хвалебной кошмы* (посвящённой человеку), поэты-ашыки ориентировались на *хвалебную газель*, то при написании народного *хвалебного дастана* (посвящённого географической местности), по нашему мнению, они отталкивались от правил написания дворцовой арабской *касыды*, а именно старались придерживаться канонизированных правил разделения композиции хвалебного произведения на три составные части. Специфической стороной являлось лишь то, что в роли объекта *восхваления* выступал не человек, а местность.

Раскрытие трёхчастной композиции являлось достаточно “громоздким” занятием для народного поэта, к тому же, ограниченный объём *дастана* не позволял это сделать в необходимой степени. Потому средневековые ашыки умышленно (об этом свидетельствуют ряд дастанов Ашыка Омера) свои *восхваления* строят на основе двухчастной композиции.

Этот опыт имеет глубокие корни в восточной мусульманской поэзии и не несёт оригинального характера.

Отход от канонизированных правил написания *касыды* (в области композиции) наблюдается даже в самой *дворцовой поэзии* – в средневековой тюркоязычной поэзии *касыды* часто пишутся без *вступления*, а *повествование* сразу же начинается с *мадха* (*восхваления*). И это, в большей степени, характерно для узбекских *касыд* газневидского периода.

Эти стихотворные произведения носят название на среднеазиатский манер “*касида-йи муджаррада*” или же “*къасыда-йи муджаррада*” (букв. “голая *касыда*”). Для литературных критиков *касыда* без *вступления* подобна “оголённой”, неполноценной поэтической форме.

К примеру, средневековый узбекский поэт Лутфи, известный слагатель *хвалебных од*, посвятил одну из них отцу Улугбека Шахруху. Ода начинается не с *насиба*, а непосредственно с *мадха* [Рустамов 1963, 60]. Эта *касыда* сохранилась до сегодняшнего дня.

Отсутствие *насиба* в данных произведениях, зачастую, компенсируется наличием *отступления* или *отступлений*.

Имея в виду огромное одухотворяющее влияние узбекской классической поэзии на средневековую османскую и крымскотатарскую литературу (вспомним влияние на творчество крымского правителя Газы Герай хана II (1554–1607) узбекского классика Средневековья – Алишера Навои (1441–1501), закономерным выглядит и заимствование двухчастной композиции, как в рамках *дивана*, так и в рамках *письменной народной литературы*.

В виде примера, рассмотрим два дастана Ашыка Омера – “*Дастан о Стамбуле*” и “*Дастан о Бурсе*”, являющихся *восхвалениями географической местности*.

В композиционном отношении, эти произведения *двухчастны*, т. е. в них наблюдается отсутствие *вступления*, а произведение начинается непосредственно с *описания путешествия*, за которым следует *восхваление*.

Народные *дастаны*, традиционно, начинаются с приезда *восхваляющего* в *восхваляемую* местность, назовём это “*описание путешествия*”.

В “*Дастане о Стамбуле*” поэт приплывает в столицу империи на судне и останавливается в одном из районов города. Отмеченным одним бентом и ограничивается *первая композиционная часть* хвалебного произведения:

...2. На якорь поставили и мы своё судно,

В Чатлады разместились все.

В Кумкапы продолжали мы время удовольствия (развлечения),

Премного благодарны Богу за эту долю... [Elçin 1999, 48].

Если в предыдущей форме поэзии автор уделяет внимание, хотя ограниченное и поверхностное, описанию самого акта прибытия, то в другом произведении, “*Дастан о Бурсе*”, поэт об этом оговаривается лишь вскользь:

1. В краю Бурсы остались и гостили мы,

Согласившись, сейчас здесь наше место пребывания... [Elçin 1999, 51].

После описания приезда *восхваляющего* начинается “развёртывание” основной, и самой объёмной, *второй композиционной части* – непосредственно *восхваления*. Этой характеристикой *хвалебный дастан* и близок к узбекской “*голой касыде*” (“*къасыда-ы муджаррада*”).

Ещё одной специфической и каноничной стороной композиционной структуры *хвалебных произведений* является обязательное наличие, после *основной части*, как правило, в первом туркуме последнего бента, *литературного псевдонима* автора:

...17. Ашык Омер, исполнение своего желания проси у Всевышнего,

Являющийся поэтом знает значение этих слов... [Elçin 1999, 50].

Другой народной формой поэзии, в рамках которой можно обнаружить *восхваление* географических названий, является *кошма*. Относительно малый объём произведения вынуждает автора лаконично и по сути излагать свои мысли, что, обычно, удаётся делать поэту, благодаря сравнительно простым правилам написания данного стихотворного произведения.

Традиционно, *двухсоставные образные системы* мы разделили на две классификации:

1. “*Восхваляемая географическая местность – восхваляющий*”;

2. “*Восхваление местного населения – восхваляющий*”.

В данной статье будет рассмотрен первый пункт – “*Восхваляемая географическая местность – восхваляющий*”.

Народный поэт, обычно, упоминает всевозможные названия наиболее примечательных мест *восхваляемого* города и его предместий, что придаёт произведению неопишуемый колорит, отражающий специфику и своеобразие данной местности, а также современное поэту историческое время.

“*Восхваляемые предместья города – восхваляющий*”. В “*Дастане о Бурсе*” Ашык Омер описывает плодородие предместий города и множество запомнившихся там событий.

В произведении характеристика прилегающих к городу территорий (гор, долин...), с их привлекательностью и недостатками, является неотъемлемой составной общей оценки *восхваляемого* города.

К примеру:

...2. Видели, Монашеская гора – источник фруктов,

Многократно поклонялись святым.

Узкую долину и яйлу перешли (преодолели), собрали сурьму,

Принесли друзьям в подарок (дар)... [Elçin 1999, 51].

“*Восхваляемый город – восхваляющий*”. Вероятно, для ашыка главным предметом *восхваления* всегда был большой город – воплощение достижений цивилизации, как в области техники, так и культуры, искусства.

Восхваление предместий (обычно этому уделяются начальные строки произведения) выполняет роль, так называемого, пролога. Лишь после этого автор приступает к развёртыванию основной композиционной части.

Ашык называет большой город “любимым” (“*Дастан о Стамбуле*”), проводя параллели с образом “любимой девушки”, придавая ему метафорически внешние признаки, присущие красавице.

Так, к примеру, “облик Стамбула” неразрывен с “опавшими фисташковыми листьями, прикрепленными за ушами”. Это напоминает красавицу, закрепившую за ушами базилик или розу.

По всей вероятности, автор оказался в Стамбуле осенью, о чём свидетельствуют упомянутые “опавшие листья фисташки”:

...3. Я буду любить тебя вечно,

Прикреплен, к голове твоей сухой, палый лист фисташки... [Elçin 1999, 48].

Отдельное внимание уделяется возвеличиванию въездных ворот того или иного города. Как известно, в средние века города (центральная их часть) были огорожены крепостными стенами, и существовало множество ворот, символизирующих неприступность и величие.

Прибывший *восхваляющий* сталкивался с проблемой прохождения во внутреннюю часть города. У ворот часто стояла стража, а на ночь, как правило, они закрывались. В то же время, некоторые из ворот (Ворота Топкапу) были вооружены пушками – на случай нападения:

...6. Замок *Топкапу* никто не сможет открыть,

Останавливающийся в Эдирнекапы – не сможет никуда перебраться... [Elçin 1999, 48].

В “*Дастане о Стамбуле*” Ашык Омер в подробностях описывает въездные ворота Стамбула и вкратце указывает на специфическую характеристику каждого из них, к примеру:

...5. ...На *Силиврикапы* горит лампада,

Еникапы – центр дервишей...

...6. ...Через *Эгрикапу* не сможет [одновременно. – Т. У.] пройти три человека...

...9. ...*Еникапу* не сделает явной свою тайну...

...11. ...Узость *Одункапу* увидел [сам. – Т. У.]... [Elçin 1999, 48].

Не оставляет без внимания *восхваляющий* и новые городские постройки, поражающие очевидцев своей красотой. Одной из таких построек является пятничная мечеть – *Яниджамии*:

...14. Нет на свете подобного *Яниджамии*,

Да благословит Аллах мастера, построившего его... [Elçin 1999, 49].

“*Восхваляемая река – восхваляющий*”. В творчестве *Ашыка Омера* была найдена *хвалебная кошма*, полностью посвящённая самой большой и протяжённой реке Европы – *Дунаю*.

Поэт называет реку на венгерский манер – *Туна* (венг. Дуна). Это связано, на наш взгляд, с тем, что в средние века часть венгерских территорий была во владении османов, а также – с военными действиями между Османской империей и тогдашним госу-

дарством австрийских Габсбургов. В частности, в 1529 и 1683 гг. Вена безуспешно осаждалась турками при активной поддержке крымского хана и его войска.

Поэт-ашык *восхваляет* реку, придавая ей черты одушевлённого предмета, возможно, сравнивает с девушкой, преобразующейся весной:

1. Во время, когда бурлит и усиливается весна,

В это время достигает возраста зрелости *Туна*... [Elçin 1999, 16].

Воды реки чисты, прозрачны и сладки, подобно *Райскому источнику*:

...2. Воды *Сельсебиля* (Райского источника) смешиваются с тобой ... [Elçin 1999, 16].

В завершении стихотворного произведения автор традиционно упоминает свой псевдоним и вновь сравнивает Дунай с человеком, на этот раз с уважаемым, степенным и влиятельным высокопоставленным чиновником. Ашык Омер “одевает на голову реки бунчук (султан) из цветов”. К слову, символом высшего Паши Османской империи были три бунчука.

Всё окружение, выстроившееся в ряд и создавшее, так называемый, “корридор”, в уважении, сочтёт за честь поприветствовать Дунай, на голове которого “бунчук (сутан), поддерживаемый цветами”:

...5. И справа, и слева будут стоять, готовы поприветствовать,

Цветы поддерживают бунчук [на голове. – Т. У.] *Туна*... [Elçin 1999, 16].

Заключение. Завершая рассмотрение, достаточно ограниченного в количестве текстологического материала, связанного с *крымскотатарской письменной народной литературой* и содержащего *панегирику*, мы пришли к следующим выводам:

– поэты-ашыки традиционно, для *восхваления* географической местности, выбирают народные формы поэзии *дастан* (дестан) и *кошма* (къошма). Они просты в написании и доступны в понимании для широкого народного слушателя;

– в композиционном отношении эти произведения *двухчастны*;

– при написании народного *хвалебного дастана*, посвящённого географической местности, по нашему мнению, ашыки

отталкивались от правил написания дворцовой арабской *касыды*, а при написании *кошмы* – от *газели*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рустамов Э. Р. Узбекская поэзия в первой половине XV века.* Москва, 1963.
2. *Elçin Ş. Aşık Ömer.* Ankara, 1999.